

П Р О З А

Елена Белова

КОГДА ВАКХАНКИ БЕЗУМНЫ...

Я вышла замуж за человека, который знал обо мне все, и все что знал- было правдой. Навсегда ложь претила, вымысел угрожал расплатой, и все-таки очень скоро я начала изменять мужу, обнаружив лазейку между правдой и враньем. Между правдой и враньем лежали недомолвки, недосказанности и даже просто молчание.

Иногда, правда, я пробалтывалась. Так однажды, разглядывая себя голую в зеркале, я сокрушенно обратила его внимание на оставшийся после операции шрам- вовсе не справа, как у всех, кому вырезали аппендикс, а слева- уродливый и к тому же вызывающий постоянное любопытство...

- Надо сделать пластическую операцию- заявила я, и муж тотчас же возразил- дескать, он не видит ничего страшного в этой штопочке...

- Ну, ты вообще ничего не видишь,- сказала я раздраженно,- а другие видят...

- Другие?...- задумчиво протянул он.- Кто же другие?

- Ну, хотя бы на пляже, летом, ну, если я хочу открытый купальник,- я спохватилась и затараторила, и слова мои слетали так, будто я быстро-быстро продираюсь сквозь кусты, беспорядочно развожу руками ветки, а они отлетают и хлещут по лицу того, кто стоит там, за кустами...

Но так или иначе, мы жили вполне дружно, и я крутила меж тем роман. Постепенно он стал похож на любимую, но заигранную пластинку. Уже слышался скрип и скрежет, я чувствовала, что вот-вот наступит конец. Возлюбленный мой все чаще исчезал, командировки в Москву становились

неправдоподобно долгими, и как-то однажды, не выдержав неопределенности, я позвонила ему на работу и тут же услышала застигнутый явно врасплох голос. Самолюбие мое тотчас же теркой сильно скребануло по сердцу, и я сказала:

- По-моему, нам пора произвести раздел имущества, друг мой,- имея ввиду, что нам только и остается, что вернуть друг другу какие-то книги.

Мы договорились встретиться завтра в четыре у Октябрьской гостиницы со стороны стоянки машин. У него была машина, и он часто поджидал меня в этом месте.

Я повесила трубку, и тут же с убийственной ясностью мне представилось, как завтра мы обменяемся книгами и все. И нам нечего будет сказать друг другу. И ничего не останется, как выйти из машины, хлопнуть дверцей, и еще раньше, чем он тронется с места, смешаться с толпой. И уже зародыш страха шевелился под ложечкой и толкал в ребра,- страха перед бабьей жалостью: ведь рванусь же обратно, повисну, начну вымалывать...

Я пыталась убедить себя, что и для меня все давно кончилось, что не об чем жалеть и вымалывать нечего, но с ишачьим упрямством карабкалось по душе отчаяние. Оно не успело достигнуть вершин, как раздался звонок. Хорошо знакомый, вязкий, как мухобойная липучка, голос приветствовал меня и склеился от удивления в ответ на мои неестественные бодрые возгласы:

- Ты соскучился?! Ты хочешь меня видеть?!- орала я в трубку.- Завтра, ты слышишь, завтра мы можем встретиться!

неспешностью похоронщика, а мы обменивались пустячными фразами, точно как один прохожий спрашивает у другого:

- У вас не найдется двухкопеечной?

- Сейчас посмотрю. Вам повезло...

- Спасибо. Вот, пожалуйста...

- Пустяки, не за что...

Но уже и двадцать минут прошло, и следующие минуты, уже заполненные нетерпением, полетели с невероятной быстротой. Нельзя больше оставаться в машине, а того, другого, все нет и нет. И пришла тоска, я ничего не могла поделать с собой, не сумела сделать того последнего вида, на который надеялась.

- Звони, - с восхитительной онемсходительностью подарил он мне на прощанье.

- Да, нет уж, не буду, - без всякой игры, грубо и плоско бросила я и хлопнула дверцей.

Мне исполнилось в этот миг сто пятьдесят лет. Не стало ни осанки, ни походки. Сутулая, поволокла я ноги куда глаза глядят и не сразу сообразила, что они глядят как раз на выплывшего из-за угла, озабоченно озирающегося по сторонам, моего "спасителя". Он увидел меня, обрадовался было, но тут же между нами началось что-то вроде скандала: оказывается он ждал меня за углом уже целых полчаса и никак теперь не мог взять в ум, почему, если я тоже давно здесь, почему не заглянула за угол, и вообще, с чего я взяла, что машины можно ставить только там и нельзя тут?!

И все-таки такая это была минута в моей жизни, что при всей теперешней ненужности этой встречи, я обрадовалась

ей. Живой человек оказался рядом, мне даже пришла сумасшедшая мысль в голову, что, может быть, взять вот и рассказать ему о своей беде, все-все с самого начала, о том, как было счастливо, как все было, как горько терять, но еще страшней предчувствовать, еще страшней, когда утекает, тонкими струйками просачивается все до капельки- до пустых рук...

И от того, что мой сатанинский план провалился, я восприняла его просто, как случайно встреченного в толпе знакомого и ощутила искреннее расположение к нему, но вопрос: "Так куда же мы едем?"- заданный барственным тоном- видно, он уже чувствовал себя хозяином положения- вызвал у меня раздражение.

- Не знаю. Никуда,- сказала я, сделав вид, что мне непонятен его подтекст. Впрочем, я и в самом деле не считала, что, назначив свидание, непременно должна была приготовить место, где бы оно протекало.

- По-моему, ты мог бы для начала поухаживать за мной...

- Лапулька, ты прямо, как домработница, которую отпустили на гулянку... Ладно, поехали...

Я проглотила плюху. Она была вполне заслуженной. Да я и не могла в ту минуту реагировать быстро и точно. Где-то внутри подымался скандал между мной и мной.. Я пыталась не вслушиваться.

- Надо заправиться,- сказал он, и причалил к бензоколонке.

Заправиться-то мы заправились, а вот тронуться с места уже не удалось.

- А, черт! Это аккумулятор! Толкнуть бы...- и в голосе его противная заискивающая нотка.

"Да,- подумала я,- только этого еще не хватало! Хрена лысого, я буду толкать твою машину",- и, выйдя, с демонстративной безучастностью встала в стороне.

Он побегал, посуетился, неестественно простецки назвал кого-то не то парнем, не то хлопцем- вообще, толкнули, и она завелась. Но только мы выехали на шоссе, как у него появилась идея- и, пожалуй, она стояла моей:

- Лапка, давай, заедем на станцию обслуживания, а?! - предложил он, и тут я увидела впереди стоянку и вереницу свободных такси.

Но у такси, примерно, на полдороге к моему дому спустило колесо. К автобусной остановке я продиралась сквозь туман застывших в глазах слез. И в переполненном автобусе, в его многолюдье, стало даже полегче- от того, что нельзя, чтоб было совсем скверно, иногда, и в самом деле, становится легче.

А уж домой и вовсе невозможно принести приметы огорчения, и я взяла себя в руки. Часов в пять того же дня мы с мужем отправлялись в гости. Выйдя на лестничную площадку, я увидела, что на улице моросит. Дернулась было обратно, за зонтом, и тут же остановилась, как вкопанная: зонтик потерян! Утром я ушла из дома, держа его в руках, а вернулась без него. Что-то такое я пролепетала мужу, что дождик маленький, а возвращаться- скверная примета, словом, ужасно не хотелось признаться, что потеряла, опять потеряла, потому что я, вообще, растяпа и растеряха, и этот чудный

японский зонтик, купленный за бешенные деньги у спекулянтов, между прочим, уже не первый японский зонтик, пробывший в моих руках до смешного короткой срок.

Когда-нибудь и где-нибудь все это окажется совершенно непонятно, но тем, кто живет современной мне, заурядной жизнью, и объяснять нечего, что это значит — потерять зонтик, сложенный в маленький туго обтянутый цветастым, пронзительным чехольчиком, жезл. Уплыли в даль и дынкой растаяли все прочие огорчения дня. Над этой реальной, вещной потерей можно было рыдать открыто и безутешно, но я решила ни в коем случае не портить мужу настроение, пока окончательно не буду убеждена в необратимости случившегося. И, не подав вида, отправилась в гости. Однако, действовать надо было безотлагательно. Голова работала, как вычислительная машина. Вариантов было предостаточно: на свидание я ехала в трамвае, затем сидела в одной машине и следом в другой. Это самые коварные объекты — честное слово, я так разом называла и машины, и их владельцев — они превратились в объекты, на которых мог быть забыт японский зонтик. Самые опасные, потому что в игру вступали жены — если он завалится под сиденье, обнаружить его могла жена — одна или другая. Конечно, в этом варианте я, наверняка, получила бы его, но неминуемо разразился бы семейный скандал. Я сказала одному, что никогда больше не позволю ему и отнюдь не дружески рассталась с другим, однако в их интересах быть предупрежденными, как можно раньше. Дальше шли таксомоторные парки: их в городе, кажется, восемь. Потом я ехала в автобусе.

Из гостей мы вернулись в двенадцатом часу, но это меня не остановило. Забрав телефон на длинном шнуре в ванную я позвонила. Никаких сантиментов: только коротко извинилась за поздний звонок и перешла к делу. Он с поспешной деловитостью изъявил готовность спуститься к машине и тут же перезвонить.

Затем я вместе с телефоном переместилась в уборную—ничего не поделаешь, мне казалось, что звонок нельзя отложить ни на минуту...

- Гуленька, ты что, с ума сошла?— со злобещей ласковостью спросил муж, у которого на этот раз не оставалось сомнений в непристойности моего поведения. Но я огрызнулась из-за закрытых дверей:

- Отстань, мне надо,— и совершенно сбила его с толку...

Два коротких разговора, состоящих из "Нет?"— "нет".— я провела в коридоре. Ни в той, ни в другой машине зонта не оказалось.

Я звонила весь следующий день, но обзвонить все не успела. В воскресенье мне опять пришлось мотаться по квартире с телефоном и запирается то в комнате дочери, то в ванной. Эти два дня до краев заполнились ягучим презрением к человечеству.

- Простите, пожалуйста,— начала я с академической вежливостью,— дело в том, что я забыла в такси зонтик. Нет, не помню. Нет, японский, складной... Что?... Ну в этом я не сомневаюсь,— заканчивала я беседу голосом, полным злорадной горечи. Последняя фраза была ответом на обещание, если передадут, непременно вернуть, и выражала всю

меру недоверия к человеческой порядочности. "О, да! Как же! Вы вернете!" - думала я, набирая следующий номер, и, начав с заученного: "Простите, пожалуйста", - мысленно продолжала клясть весь мир: "Прежде всего, вам никто его не передаст, так что и обещать нечего! Это в стране, где одна из популярнейших пословиц, так сказать, народная мудрость: "Что с возу упало, то пропало" - найдется вдруг святой, юродивый, который притащит вам такую находку! Это точно-то зная, что вы его тут же прикарманите! Еще что-нибудь другое, а то ведь что? Японский зонтик! Это ведь не просто вещь - это нечто вроде масонского знака, знака престижа - что-то такое, чем можно толпу раздвигать..."

Пару раз диспетчеры объясняли: "Да что вы, милая, кто ж нам такой зонтик принесет!" Но в большинстве случаев слышалось лицемерное обещание вернуть, если только... - именно в этих случаях у меня возникало обидное подозрение, что как раз сейчас, разговаривая со мной, противная толстая диспетчерша с жирным голосом сидит под моим зонтом, не потому что у нее крыша над головой протекает, а просто так, любясь неожиданной обновкой...

Часов в десять вечера выяснилось, что звонить больше некуда. Можно было бы, впрочем, учитывая сменность работы в парках, начать все сначала, но почему-то пришло безразличие - я уже смилась и смирилась с пропажей. Еще некоторое время посидела в пустой комнате у телефона, бессмысленно уставясь в одну точку. Потом поднялась, вышла в коридор и совершенно случайно глянула в сторону вешалки. И тут же сквозь плащи и куртки увидела на одном из крючков мерца-

ние знакомой красной петельки. Не веря своим глазам, я рванулась и уже наверняка нащупала благополучно висящий на собственном своем месте дорогой мой зонтик. Как это могло случиться? Сюда, на крючок, механически, заученным раз и навсегда жестом я вешала его, возвращаясь домой, но не это странно: ведь за два, нет, три, в общем, два с половиной дня, я множество раз подходила к вешалке, надевала и снимала плащ, но как могло случиться, что ни разу даже не посмотрела?! То есть, смотрела, но не видела... Так, словно, видеть можно только то, во что веришь, в чем заранее уверен. Как странно и стыдно я прожила эти дни— мне показалось, что я прожила их какой-то не своей, чужой жизнью и тут же со страхом подумала: "Да нет, почему же чужой? Вот именно, своей..." Зонтик!... Да будь он хоть дорогим— золотым—бриллиантовым...

Но я отогнала от себя противные мысли и закричала: "Ура! Нашелся!"— и сразу же все объяснилось, и дома стало легко и весело.

Вообще, у нас дома почти всегда было легко и весело. И как раз тем, может быть, веселей и легче, чем меньше мы все трое— я, муж и наша подросток дочь— жили домом. Его заботами, его интересами, необходимостью что-то в нем ладить, наживать, благоустраивать — был мало тяготил нас, зато мы совершенно не выдерживали ни малейшего столкновения с ним: даже необходимость вызвать водопроводчика повергала всю семью в состояние крайнего уныния. Когда накапливались разные нудно-неотвязные дела, я говорила себе: "Ай! Надо влюбиться, и тогда все пойдет по-боку!..." Это, конечно-

но, шутка, но у влюбленного человека, и в самом деле, откуда ни возьмись, находится время сидеть сложа руки и мечтать, находится время гулять по садам и паркам или, что вообще удивительно, лететь в другой город...

Но с годами мне все равно удавалось испытать головокружительное чувство влюбленности, я все придирчивее относилась к своим поклонникам и все настороженнее прислушивалась к себе в надежде, что все-таки найдется кто-нибудь, кто преведет в действие весь механизм моей страсти, способности к безрассудному и безрассудному...

Я любила людей с храбростью и упорством землепроходца: как он верит, что найдет новую землю, так я верила, что найду человека... И нашла...

Немело пускаться в описание: глаза серые, на подбородке ямочка, рост средний, шатен- это годится для опознания, но когда я увидела его, мне показалось, что мы знакомы издавна и еще вспомнились строчки: "Ах, на гравюре полустертой в один великолепный миг я встретила, Тучков Четвертый, ваш светлый лик..." Никакой гравюры, конечно, не было, в Эрмитаже, еще девочкой, часами бродя в Галлерее героев двенадцатого года, всматривалась в лица и влюблялась без памяти...

И по отцу, но, главное, со стороны матери он принадлежал к стариннейшему роду настоящей русской аристократии и неистребимое родовое сошло в его чертах; конечно, ничто не сохранило для сравнения голоса его предков, но это чудесное, чуть проглоченное "р"- надó чтоб из века в век твои предки французским владели лучше русского, чтоб тебе досталось такое грассированное "р-р"- никчемное, ибо уж ты-то

французского вовсе не знаешь, но от вычужденности своей еще более искреннее, чарующе-трогательное...

Мы очень недолго виделись с ним в Ленинграде, но между нами не оставалось недоговоренности. Потом мы писали друг другу письма- я жаркие и надрывные, он- чуть торопливые и нежные...

Он звал меня в Москву, и я уже готова была сорваться, очертя голову, как неожиданно мне предложили командировку. За два дня до отъезда мне приснился сон, что случается со мной крайне редко. Я даже считаю бессонной ночь со сновидениями. Мне приснилось, что я в Москве, что стоит страшная жара, и я в троллейбусе снимаю с ног сабо и выхожу, забыв их надеть. Начинаю искать свои башмаки, звоню по троллейбусным паркам и при том испытываю ужасную неловкость перед ним, потому что вдруг оказывается, что все время он рядом, но мне не до него, и то-то и стыдно, что не до него, и я говорю себе в оправдание: "Что же делать: не ходить же мне босой?!"- и тут же понимаю, что ложь ужасна, ибо вот в углу- так только в снах бывает- вдруг какой-то подвал и сундук в углу, а на нем стоит пара моих туфель, других, на каблучке... Он видит их, и я просыпаюсь от уже просто невыносимого стыда. Я даже рассказала этот сон знакомым, не весь, а только, что туфли потеряла, и кто-то сказал, что сон хороший- значит, у меня в жизни что-то кончится, а новое начнется, кто-то сказал, что сон плохой- нет хуже, как терять во сне...

Накануне отъезда я ринулась на переговорный и совершенно случайно застала его на работе, потому что домашнего

телефона у него нет, а на работе он имеет свободное расписание. Он кричал мне в трубку: "Ты должна жить у меня!.." — но, хоть я и знала, что жена его с сыном на лето уехали на Украину, я ни за что не хотела жить у него; я собиралась остановиться у подруги, а там видно будет. Так мы и договорились: я приезжаю, останавливаюсь и... все-таки выходило, как там ни крути, ни верти, что я должна прийти к нему — сама отвергла идею, чтоб он встречал меня с поезда, боялась, что плохо буду выглядеть, хотелось подкраситься, привести себя в порядок прежде, чем он увидит меня.

На то, что я выплясывала в поезде я и не надеялась — всю ночь меня колотила нервная дрожь. К тому же попался редкостный попутчик: ни одной секунды он не храпел одинаково — хрюканье сменялось бульканьем, нежное посвистывание внезапно обрывалось отчаянным всхлипом, затем вдруг начиналось что-то напоминавшее рычание водопроводного крана, а через неопределенную паузу, в течении которой у меня обрывалось от нетерпения сердце, возникала соловьиная трель и снова секунда тишины, и снова что-нибудь новенькое. Меня трясло и ломало от этих упражнений слуха, особенно от того, что в неравномерно возникающих паузах я только-только успевала представить себе, как приезжаю, как мы встречаемся, но ничего не получалось увидеть до конца — проклятый храпун на верхней полке тут же выдавал такую руладу, что в один момент я не выдержала и, сев на койке, сквозь зубы в темноту спящего купе злобно процедила: "Убила бы! Убила бы утюгом!" — почему-то вообразив себя его женой.

В семь утра, когда проводник начал ходить по вагону

и раздавать командировочным билеты, я уже одетая и умытая в сидела у столика, а ночью мой кихук недруг, спустившись с верхней полки, оказался пыльным, одутловатым и грустным.

- Я вам спать не давал,- тоном полным раскаяния сказал он,- простите меня!

- Ну что вы. Ерунда- мы уже подъезжали к Москве, и я, в самом деле, не могла злиться.

- Ну как же, "ерунда", когда вы меня убить хотели и при том утюгом?..- в тоне его не было ни малейшей обиды, а только одна обреченность, будто он давно уже сжился с мыслью, что когда-нибудь, кто-нибудь действительно толкнет его.

Мне стало страшно и смешно одновременно. Я только вытаращила глаза, но ничего не успела сказать, как он терпеливо объяснил:

- Понимаете, я ведь во сне все слышу- все до капельки, кроме своего храпа. Из-за этого и холост, но зато в домах отдыха...

Зато в домах отдыха с ним никто не хотел жить и его помещали отдельно в какой-нибудь бельевой. Конечно, если бы по причине храпа дали двухкомнатную квартиру, он мог бы попробовать устроить личную жизнь...

Я рассказала о нем своей приятельнице, и мы очень смеялись, а в начале одиннадцатого такси подвезло меня к кооперативному дому на Большой Грузинской.

Москвичам повезло с их хаотичным городом- в самом центре они понастроили себе шикарных кооперативов, как-то

даже внешне сообщив им дух исключительности, элитарности. Вероятно, благодаря тому, что стоит вот такой дом, а тут же, на расстоянии автомобильной стоянки, уходит в землю первым этажом, кособочится полугородское- полусельское строение, кишмя кишачее затрапезным московским народцем, и никак нельзя ошибиться в определении, какому дому принадлежит сверкающий, как в глазке калейдоскопа, разноцветный, переменчивый орнамент из "Жигулей", "Москвичей", "Волг" и, непременно, парочки иностранцев: "Вольвы", "Мерседеса", пусть поплоче, но без них картина не полная. Москва пиконит, москвичи имеют пару брюк на двоих, но зато "визитные", а вместо рубашки носят манишку на резиночках- отдельно воротничок, отдельно манжеты...

Яшла его подъезд, но даже не заглянула в него, а перейдя дорогу, присела на скамейку неподалеку от памятника Шота Руставели; достала из сумки блокнот и написала записку: "Иду на бульваре у памятника. Спустись, пожалуйста". Огляделась и тут же увидела мальчика лет четырнадцати, который шел себе, руки в брюки.

- Молодой человек, - я, наверняка, смутила его, - не сможете ли вы уделить мне минут пять?..

Я подвела его к подъезду и осталась ждать тут же, а все не у памятника, на лавочке, среди кустов густо до дурноты пахнувшей сирени. Покуда мальчик поднимался вверх на лифте, я поднималась вместе с ним, но вниз он поехал без меня - я осталась там, в квартире, и была не я, а он - не свое, а его бурное напряжение радости от того, что сижу здесь, внизу, чувствовала я. И несколько не удивилась, когда увидела

мальчика, потому что, конечно же, он ждал меня в домашнем, в халате, наверное, сейчас он швыряет на скафе рубашку, свитер, брелки, хватает, напяливает— когда торопишься, ничего не возможно найти и все из рук валится... Но мальчик подошел и, как мне показалось, не только совсем перестав смущаться, а даже нагло и презрительно глядя на меня, сказал:

- Там нет никого, я сунул вашу записку в дверь...

Он мог выйти в магазин и сейчас вернуться. От нетерпения не было сил усидеть на месте, и я ходила и ходила взад и вперед по дорожке от подъезда до детской песочницы и обратно. Мимо шли какие-то люди, и я не замечала их вовсе до тех пор, пока неожиданно не услышала оклик:

- Дама, умоляю вас!— я оглянулась и увидела пожилую женщину в ковтиной и вполне достойной шляпке.— Умоляю, скажите, что у вас за духи?!

- Это французские...

- Я понимаю! Но я прохожу мимо вас третий раз и не могу определить! Это не "Клема" и не "Фиджи" и не... Я знаю все, что у нас продавалось...

- Нет, мне подарили их: это "Вива", фирмы Камью...

- Очаровательный запах! Бесподобный! Мама, ты слышишь— крикнула она в глубину сидка, где на скамейке сидела совсем дряхлая маленькая стерушка— я оказалась права: это не "Клема" и не "Фиджи"!...

Если бы он появился в эту минуту, он застал бы меня в великолепном расположении духа. Но его не было. "Надо попробовать позвонить на работу,— подумала я— вдруг его вызва-

ли"...

"По пятницам его никогда не бывает, барышня. А что передать, кто его спрашивал?.." - мне показалось, что голос в трубке сказан чем-то липучим и плохо пахнет.

Пока я ждала очереди в автомат, он мог прийти. Ищет теперь меня у памятника.

Ничего подобного; никто меня не искал, но записка все-таки довольно дурацкая: "Спустись, я у памятника..." Надо ее вынуть. Если он придет через два часа, эта записка будет выглядеть совершенно нелепо. Тем более, что я все-таки приехала в командировку, и хоть дело у меня пустячное, не худо бы его сделать. Я вошла в подъезд, поднялась и увидела воткнутый в замочную скважину, свернутый в трубочку листик из моего блокнота. И все-таки я позвонила. Просто так, даже не надеясь на чудо, просто хотелось немедленно, вот сейчас позвонить в его дверь. И тотчас же из соседней квартиры раздался омерзительный, злобный лай маленькой собачонки - визгливый и настырный. Сейчас из всех дверей повскакивают любопытные соседи. Я ринулась в лифт.

За это время успела набегать такая переспелая туча и, когда я вышла из подъезда, она вся целиком упала с неба. Сплошным потоком - было безумно надеяться на вент. Пролилась разом и тут же от земли потянулась назад, наполнив воздух сыростью. От прически не осталось и следа. Вид - "на море и обратно". Что-то все-таки надо делать, победить паралич воли, приковавшей меня к его подъезду, и я решила позвонить одному знакомому, которого, впрочем, собиралась во

всех случаях жизни повидать. Он обрадовался, но сию минуту был занят, и мы договорились встретиться через два часа — как раз хватало этого времени, чтобы съездить по делам. Но, во-первых, он мог вернуться, пока я звонила, во-вторых, если не вернулся, надо оставить записку потолковой. Получилось не очень толково, зато в стихах. Сначала шел номер телефона приятельницы, у которой я остановилась: "двести двадцать три- тридцать- тридцать один" Затем я написала: "вы- перекрашенный блондин!.. Есть телефон, но счастья нет. Или шатен? Или брюнет? Припоминаю еле-еле под монументом Руставелли..."

Не знаю, смог бы он понять, куда ему следует звонить, но мне хотелось дать ему знать, что не сержусь, а если и сержусь, то только чуть-чуть и готова шутить. И еще мне хотелось сказать, что я люблю его, но этого совсем не надо пугаться — вот ведь какой у меня легкий, веселый характер...

Я опустила записку в его почтовый ящик и тут же подумала, что он может не заглянуть в него. Поднялась и вновь, облаянная бдительной собачонкой, торопливо сунула в дверную скважину пустой листик из блокнота.

Из комнаты по печати я прямым сообщением на такси вновь прибыла к его подъезду. Свидание со старым знакомым не состоялось не потому, что не успела — успела бы великолепно, но и в шесть, и в половине седьмого я даже не вспомнила о том, что с кем-то, о чем-то договаривалась. За это время тучка проделала тот же смертельный номер, на этот раз шмякнувшись об землю, разбилась вдребезги... Наступал вечер. Около восьми я позвонила нашим общим друзьям. Оке-

залось, что хозяйки нет, но зато тесная мужская компания просто изнемогает от отсутствия представительницы прекрасного пола. "Как? Ты в Москве?! Вот это здорово!" - я и без того не сомневалась в том, что его там нет. Этого не могло быть. Водку уже не продавали, я купила бутылку коньяка и поймала такси.

Мне необходимо было выпить.

От первой же рюмки в притворной моей веселости появилась капелька натуральности, но дело не дошло до второй, как случилось нечто, от чего впору было расхохотаться или... если угодно, разреветься:

- Ну и денек сегодня, - сказали мне ребята. - С утра пили у..."

- Как?!

Нет, я не расхохоталась и не разревелась, - я ничем не выдала себя. Что-то такое сказала пустячное, постороннее, а потом будто невзначай, спросила:

- А где он живет?

- Да на Малой Грузинской. Они там всей конторой пикарный кооператив стгрохали. Там и этот живет, помнишь?..

Так. Только спокойно. Я целый день простояла у дома номер двадцать восемь, но только не на Малой, а на Большой Грузинской. Я просто перепутала и теперь даже невозможно понять, как и почему это случилось.

- А у этого есть телефон?

- Ну, у этого-то все есть...

- Послушай, знаешь, мне хотелось бы повидать... А что если...

И в самом деле, сбегать из одного подъезда в другой— труд невелик, и, вообще, вся операция заняла немного времени. Через сколько-то минут я уже слышала его голос в трубке, а еще через сколько-то он уже сидел рядом, и мы обнимались, делая вид, что просто так радуется встреча, и к тому же так развязывает нас вино... Вернее, сами для себя делали вид, что верим в незадачливость наших собутыльников. Нам хотелось уйти, но даже это ^{мы} ~~они~~ не посмели сделать с дружеской откровенностью. Не потому, что боялись сплетен, нет... Но невозможно было открыто, не бережно расплескивать тайное наше счастье...

- Мне пора, - и я поднялась.

- Позволь мне проводить тебя...

Вместо того, чтобы прощаясь, глядеть в лица друзьям, я опустила глаза и тут же увидела, что то, что я принимала за бескорыстную ласку хозяйского пуделька— было откровенной и подлой диверсией. Пока мы сидели за столом, мне казалось, что он лижет мою ногу, на самом же деле, он аккуратно изгрыз кантик на левой туфле и уже принялся за правую... Висели нитки, обгрызанная туфля выглядела некрасиво, но меня это несколько не огорчило, только напомнило— сон в руку.

Я еще не знала, что будет дальше.

Когда мы вышли на улицу, он сказал, что оставил у себя в квартире брата с женой, но, если они не ушли, он как-нибудь выпроодит их...

С его стороны это была большая жертва, ибо в подобных

семьях брат- это не просто брат, это член клана- клана, законы которого святы и нерушимы; иначе рухнут стены, отгораживающие клан от прочего мира, иначе проникнет внутрь его порча и порча...

Молча, с благодарностью, я приняла эту жертву.

Внешне дом его почти не отличался от того, в котором жилец четырнадцатой квартиры не сегодня-завтра извлечет из почтового ящика записку, содержащую рифму и совершенно непонятный намек.

Но меня поразили подъезд. Огромный холл с мягкой мебелью: диван, кресла, на стенах цветы, за письменным столом- бабулька. Правда, когда мы вошли, она заворчала: "Ночь уже, а все ходят, ходят, все таскаются..." Но мы в лифт- и прощай, бабулька!

У двери его квартиры мы услышали шум множества голосов, поверх которого плыла магнитофонная лента.

- Подожди,- сказал он.- Постой вот тут. Я посмотрю, что там делается...

И я осталась стоять в каком-то закоулке. Странный день - ~~всё~~ из стояния и ожидания...

- Оказывается, пришло полно гостей. Друзья мои и брата. Он их впустил и они...

Он был расшарян.

- Послушай, пойдём к ним,- мне показалось, что ему понадобилось какое-то усилие, чтобы сказать это, и я мотнула головой: нет, не пойду.

- Ладно, я их сейчас выставлю. Подожди здесь...

Странный день... И все-таки я выпила. Наверное, если бы я не выпила, я не ушла бы. Или ушла бы совсем. Но совсем я не сумела уйти.

Выйдя из дверей его подъезда— опять что-то пробурчала бабка— я обогнула кусты, такие же душные, как в том доме на Большой Грузинской, и остановилась в их тени. Сюда не падал свет лампочки. Я стояла и чувствовала, как по всему телу расплзается обидца. Почему-то, может быть, потому, что пару раз хлопала дверь, и я замирала в ожидании, но ничего не происходило— мне вспомнилась кошмарная ночь в жижке купе. Храпит, но все слышит, кроме своего храпа— одинокий человек, мне стало вдруг нестерпимо его жаль. Боль и жалость расплзались по мне, но тут послышался шум голосов, потом их пронесло мимо, и я поняла, что от него ушли гости. Теперь он должен спуститься за мной. Но ведь он совсем не здесь меня оставил. Он, вообще, ни в чем не виноват, сейчас я вернусь, и все нелепое, скверное кончится. Выждав, когда голоса растворились в гулкой пустоте улицы, я вошла в подъезд. И тотчас же из-за стола выскочила бабка и уже не ворчливо, себе под нос, а скандално-громко выкрикнула:

- Куда?! Ишь ты: взад-вперед! Взад-вперед! Так и шляется!

Мне целый день что-то чудилось, я целый день что-то преодолевала и в том же порядке, минуя ее выкрик, теперь спокойно пошла к лифту и нажала кнопку. Но лифт не успел спуститься, как бабка настигла меня:

- Не пушу! Нечего тут! А ну, катись отсюда!— и она толкнула меня в грудь.

- Да вы что? Какое право?..

- Право тебе?! Ах ты блядь худая! Право тебе?! А я на что тут посажена? Чтоб такие аферистки проклятые таскались здесь?! А ну прочь, сучка дрянная!.. - в руке у нее была паркетина и, схватив меня за волосы, она со всей силы рванула мою голову вниз, а паркетинной начала бить по спине. В то время подошел лифт, распахнулись его дверцы, и тогда я, всей пятерней проехавшись по чему-то корявому, в беспамятстве даже не соображая, что это ее лицо, отпихиваясь, оставляю в бабкином кулаке пол головы, ворвалась в лифт, - и дверцы его тут же захлопнулись. Куда я ткнула пальцем? Я точно помнила, что нажала кнопку, возле которой увидела цифру четырнадцать. И вот передо мной дверь. Да, и опять вижу ту же цифру, но это какая-то ерунда: почему нет ни звонка, ни ручки? Так не бывает, бред! Я стучу, стучу кулаком, потом ногой, потому что уже слышу шум поднимающегося лифта и смертельно боюсь - сейчас она снова начнет колотить меня!.. И точно: опять с паркетинной, только я стучу громко, а она теперь не кричит, а приглушенно шипит, на каждом слове ударяя меня палкой по спине: "Ах ты сука рваная, ты ж весь дом перебудуешь, гадина!.." - и от того, что она шипит, я не догадываюсь заорать во весь голос, позвать на помощь. Или нет: мне ужасно стыдно, поэтому я не кричу, а только перестаю стучать и умоляю ее: "Отпустите меня! Я уйду, честное слово, я уйду!"

- Уйдешь?! Нет, сволочь, ты не уйдешь! Я милицию вызвала! Ты теперь не уйдешь! - говорит она, паркетинной загоняя меня в лифт. И все-таки, оказавшись в лифте, я от-

четливо соображаю, что поднимаясь, нажала кнопку четырнадцатого этажа, последнего, он говорил мне, что на последнем этаже у них мастерская художников. Сколько их? Четырнадцать или больше? Я стучала, стало быть, в дверь четырнадцатой мастерской.

Но теперь это совершенно не имеет значения. Больше для меня ничего не может иметь значения. В лифте она не бьет меня, но непрерывно материт, а когда выходим, со всей силы пихает, и я падаю в кресло. В это время стучат в дверь — она и в самом деле закрыла ее. Отпирая, объясняет какой-то женщине и ее мужу военному, что задержала аферистку-проститутку: и ждет милицию. Еще шевельнулась надежда, и я поднялась навстречу направляющимся к лифту людям:

- Помогите мне, прошу вас!

Мужчина, конечно, не может: он с женой, ситуация неподходящая для спасения проституток. Но женщина задержала шаг:

- Что случилось?

- Я приехала... понимаете... — и тут мысль: не могу, не должна назвать того, к кому приехала, не имею права назвать номер квартиры. — Я из другого города. Я ошиблась номером...

- Врет она! Врет, подлая! Вот она и есть аферистка!...

- уже впуская двух милиционеров, уличает меня бабка.

В сущности я обрадовалась им.

- Уведите меня отсюда!

- Увести-то, уведем. Только документик сначала предъявите...

И в то время, как я протягиваю паспорт, спустился лифт, и из него вышел он. Слышал ли он что-нибудь прежде, или эта мертвенная бледность разлилась по его лицу, как только он увидел меня, чужих людей, милиционеров- не зная, но страшно бело показалось его лицо. Оно дрожало неоновым светом, среди разлитого вокруг густого охристого.

- Что с тобой? Где ты была?! Я три раза спускался вниз. Я искал тебя! Что это?! - и руки его, описав полукружие, недоуменно застыли в воздухе, а на белом лице ужас и жалость убивали друг друга.

И тогда у меня, наконец, началась истерика.

- Это ваша девушка?- говорил строгий милицейский басок- так и забирайте ее. А то, что она тут бегаёт...

Меня действительно надо было забирать, даже не забирать, а собирать- распалась и повисла на нем и редела так, что не могла видеть, куда идем, и он говорил мне: "Ну, шагни, пожалуйста, шагни, здесь ступенька, слышишь?.."

Он гладил меня по набитой спине и судорожно шептал: "Бедная моя... предал тебя, бросил... это я, я виноват..." Сначала от его слов, от его жалости еще пуще ревелось, но постепенно дошла до сознания мука его души, и тогда я подняла голову и поспешила в словах: "Милый ты мой, что ты говоришь, ты не при чем, это я, все я, ты ни при чем, хороший мой..." - и мы все гладили, все утешали друг друга...

Но утром, когда я проснулась, было скверно и снаружи, и внутри... Я проснулась раньше его. Пошла в ванную. Я знала, что если привести себя в порядок внешне, будет легче справиться с беспорядком внутри. Теперь, когда я отмы-

лесь, подкрасилась, привела в божеский вид голову, вычистила плац- видно, паркетина была выброшена после ремонта, и на плаце остались следы мела- теперь надо было только уговорить себя не вспоминать, не глядеть по сторонам, не думать, не поддаваться. И это неприменно мне удалось бы, кабы не он. Вот, оказывается, где оно тамлось- настоящее-то предательство. Он проснулся с единственным желанием немедленно умереть- только чтобы вместе с ним умерли кошмары минувшей ночи... И бесполезно было утешать его.

К тому же он спустился за газетами и вернулся в полном отчаянии:

- Ты расцарапала ей лицо,- простонал он.- Пятерня через все лицо. Со всеми комментариями она демонстрирует его каждому проходящему мимо...

Он боялся, и природа его страха была проста и доступна.

Со всех сторон меня обступили приметы чужой жизни. И страшное одиночество накатило и смяло меня. Но тут он лег. Он почувствовал дурноту, лоб его покрылся капельками холодного пота- ему стало худо с сердцем. Ну, во-первых, он пил накануне, во-вторых, ночь была бессонной, и в третьих, я видела,- он не в состоянии преодолеть отвращение. Ни на одну секунду не сомневалась, что перед его глазами стояли мучительные картины- он видел дерущихся женщин и одной из них была я. Его отвращение имело прямое отношение ко мне, хотя никогда, ни за что он не признался бы в этом.

Я капала ему капли, открыла настежь балконную дверь, но тут же ее пришлось закрыть, потому что в комнату вор-

вался громогласный рассказ старухи о том, как она пыталась выловить проститутку, а та рвалась в четырнадцатую квартиру и дралась с ней. Лучше всего было бы уйти, но я боялась оставить его в таком состоянии. К тому же боялась и за себя. Боялась того, что начнется со мной, как только останусь одна. Ради одной себя я бы не выбралась из этого кошмара.

И только, чтобы отвлечь его, я стала говорить о том, о чем думала целое утро:

- Не понимаю, объясни мне, как в наших условиях, когда так несвободно жить, как могло интеллигентным, тоскующим по свободе людям - ведь это кооператив, ваш кооператив, ведь здесь, по крайней мере, в каждой второй квартире слушают по вечерам приемник и ехают, судят-рядят, в каждой второй квартире передают из рук в руки то "Континент", то "Архипелаг", и потом шепотом, накрыв телефон подушкой, обсуждают - как могло прийти в голову этим людям добровольно посадить у себя в подъезде цербера, сумасшедшую, могущую так странно попортить самую последнюю из личных свобод! Консьержка! Нет, это закордонное слово - там она и была бы консьержкой, не она, конечно, а просто женщина, отпирающая и закрывающая подъезд. Но по эту сторону - это вохревка и ужас в том, что она приглашена самими заключенными постеречь их... Не понимаю, объясни мне...

В ответ на мою патетическую речь я услышала мирное похрапывание. Он уснул, и это было очень хорошо. И я позволила себе восхитительную бабью слабость, и легла рядом, обняв и уткнувшись в его плечо.

Мы проснулись часов в пять, одновременно и почти сча-

стливые. И очень голодные. Еще утром я сказала, что сегодня не уеду, и теперь ждала, что он попросит меня остаться. Ну, если не сейчас, может быть, позднее, должен же попросить. Но, даже после того, что на этот раз принесло, казалось, полное и радостное освобождение — не то, что ночью: ночью мы спасали друг друга и не могли спастись — но даже после этого он не предложил мне остаться. Мы решили пойти куда-нибудь пообедать, потом к моей приятельнице за вещами и на вокзал...

Я уже была совершенно готова к выходу, а он все мешкал: открывал балконную дверь, перегнувшись через перила, заглядывал на происходящую у подъезда жизнь. Вслушивался. А там как раз разворачивалась баталия между стражем ночным и ее мужем. Как я поняла, ему надлежало сменить ее на день, но он нешел припрятанную ею бутылку водки, напился, и теперь жажда опохмелиться повлекла его к благоверной с единственной целью выпросить трешку.

- Нажрался, прохиндей! — кричала она ему. — Надрался!..
- и дальше шло все, чего я вдоволь наслушалась ночью.

Он закрыл балконную дверь и сказал:

- Не представляю, как мы пройдем мимо. Она узнает тебя и устроит скандал...

- Не ходи со мной. Я одна пойду.

- Нет, это невозможно...

- Не выходи одновременно. Выйду я, а потом ты...

- ... Да?.. А как же ты выйдешь?..

- Ногами. Выйду и все.

Я и в самом деле не боялась, почти до самого низа не

боялась, но из лифта было очень страшно выходить. И все-таки, так должно было случиться: куда-то она отошла как раз в тот момент, когда я пересекала холл и, наконец, уходила из этого дома — подальше, на другую сторону Малой Грузинской. Даже если бы я хотела не оглядываясь идти и идти вперед, он догнал бы меня. Но я и не собиралась так вот гордо исчезнуть.

Мне еще предстояло услышать на вокзале, в минуту прощания, что я inferнальная женщина...

Я вернулась домой и научилась водить автомобиль. Мы купили его в комиссионке, он был стар, он давно уже мечтал умереть своей смертью. Но теперь судьба его оказалась крепко связанной с моей. И мы помогали друг другу как могли: он отвозил меня на бульвар Профсоюзов в космический кабинет, я же пригоняла его на станцию техобслуживания. Таким образом, мы продлевали свое существование и ухитрялись видимо выглядеть вполне прилично...

Где-то, на полдороге между тем и тем, нам повстречался коленый, лохотеный мужчина лет тридцати пяти на новенькой, сверкающей молдингами "тройке". В моторе его машины заключалось двести лошадиных сил, из него самого выпирало столько же. У него были оловянные глаза, но когда он уставился на меня, в них вдруг зажегся и задрожал нестерпимый огонь, и меня обдало жаром. Это было так неожиданно, так давно забылось, но дело даже не в этом — просто, у меня-то уже не было сил вести любовную игру: их оставалось ровно столько, чтобы или бежать без оглядки, или сдаться тут же, без

попыток к сопротивлению. И для того и для другого не нужно знать, кто он и что он, достаточно почувствовать: я желанна, я вожделенна... Я сдалась- стареющие женщины чаще всего так и поступают.

Едва узнав мое имя, он произносил его жадно, без усталости, в начале и в конце каждой фразы:

- Вика, ты тоже хочешь меня, Вика?- и тем, как тянул слова, напомнил первую мою любовь. Его же имя мне трудно было выговорить- это было имя моего князя...

Мы договорились встретиться вечером того же дня. Он показал мне на Приморском шоссе скрытую за придорожными кустами маленькую стоянку:

— Так ровно в девять, Вика, без опозданий, договорились, Вика?

Договорились.

Я пришла домой неправдоподобно энергичной и бодрой. За то время, что оставалось до встречи, вылизала квартиру, содрала с окон, выстирала, накрахмалила, выгладила и повесила занавески, сварила первое, второе, третье: нет, я не собиралась приводить его домой, в том и нужды не было: у меня хранился ключ от пустой квартиры приятельницы, уехавшей на юг и просившей меня поливать ее цветочки; но давно забытый восторг перед жизнью расpirал и подгонял меня- все ладилось легко и быстро. Я привела в порядок себя: пятки стали розовыми и сверкающими как щеки младенца; вдохновенно, продумав каждую деталь, создала свой туалет и напоследок, уж уже в пальто, коснулась тех самых французских духов, последняя капля которых суеверно береглась на дне флакончика и

нежным, неповторимым ароматом напоминала о чем-то, похожем на счастье...

На место свидания я прибыла немного загодя: хотела видеть, хотелось угадать его приближение. Из окна автомобиля я наблюдала сквозь кусты мелькавшие на шоссе огни. Но вот мигнул сигнал поворота, и тут же стоянка озарилась мощным светом восьми фар: четыре положенных по госстандарту и четыре хлоридоновые вспыхнули разом, на миг ослепив меня и тут же погасли. Самлет в мою честь. Он приехал точно минута в минуту. Встал рядом, опустил стекло и позвал:

- Вика, иди ко мне, Вика...

Наша машина смахивает на студенческое общежитие - аскетическое отсутствие всего лишнего и кое-чего необходимого: даже ремень только один болтается, а второго нет, нет даже чехлов, просто так, по нерадивости хозяев. У него же полный набор: фары, подголовники, магнитофон, накладки и наклейки - все, призванное дружным хором утверждать: "Хозяин наш хорошо стоит!" Будуаром кокотки, тщетельно-небрежно набросившей на ложе мягкую леопардовую шкуру, была его машина.

- Иди же ко мне, Вика, - еще раз позвал он и вышел сам, чтобы пересесть на заднее сиденье. И я пошла.

Ласка его была простой и натуральной, и грубый напор ее извинялся безудержной страстью. И меня понесло - захолонуло, и нестерпимо жарко стало в машине от нашего загнанного дыхания, и нельзя было дух перевести, и нам нравилась сладкая жужжкая мука этой погони...

Но я услышала: "Поедем в гараж, Вика..."

- Зачем в гараж, - я немного отстранилась от него - нам

есть куда ехать...

- Далеко? - и он закрыл мне рот поцелуем.

- Нет, совсем близко - выдохнула я.

Губы его коснулись моего уха, язык шелохнулся в самой раковине и сквозь собственный стон я услышала, как он прошептал:

- А машина?

- Что машина? - не поняла я.

- Где я оставлю ее?

- Как где? - мелькнула догадка, но не могла сразу поверить в нее. - Во дворе...

- Нет, Вика, - мы все еще сидели, тесно прижавшись друг к другу. - Нет, я не могу, Вика: ее разденут в миг...

Огромный вопросительный знак вырос во мне и, раздирая нутро, прошел насквозь, зацепившись за уши... Я ничего не ответила на все его "что случилось?", "куда ты?", "погоди" - молча вышла и пошла к своей машине. Путь в два шага показался мне переходом через Альпы.

Еще какое-то время он не давал мне отъехать, в одной рубашке стоя под промозглым осенним ветром, в чем-то уговаривал меня. Впрочем-то, это был сплошной поток пошлости, кажется, он решил, что меня оскорбило его предложение заниматься любовью в машине. Он уверял меня в своем уважении к женщинам...

Проносились мимо огни встречных машин, езда рождала хорошие неодушевленные мысли, и самой теплой среди них была мысль о том, что надо бы завтра съездить на станцию обслуживания, проверить тормоза... И тут же подумалось,

что водить машину невероятно полезно людям неуравновешенным, склонным к депрессиям, потому что само по себе нелепо нажимать на тормоза, глядеть вперед, предвидя ситуацию на дороге и предусмотрительно готовя себя к ней— словом, целиком находиться во власти инстинкта самосохранения— и при этом раскачивать в себе истерическую мысль: "ах, жить не хочется!.."

В загадочном кружении Крестовского острова вдруг возник и понемногу начал оживать сюжет рассказа о маленьком, хромом человеке, всю жизнь мечтавшем купить автомобиль; он копит, во всем себе отказывает, кое-как живет с матерью в коммуналке, в одной комнате, безобразно одевается, не знает женщин и только накопит, как она— уже столько раз во сне виденная, уже так реально принадлежавшая ему машина— по закону подлости, именно она дорожает чуть ли не в полтора раза, но он ни за что не согласится унизить свою мечту до какого-нибудь там "Запорожца"— нет, он лучше зимой в тапочках ходить будет— и ходит—таки, и вот, наконец,— он владелец машины и даже гараж есть— теперь, ему кажется, можно начать жить, не жалеть копеек на обед в столовке, можно купить индийские джинсы, курить сигареты с фильтром, наконец,— женщина. Конечно, сигареты, тряпки— все это не главное, главное— это женщина, но ее некуда привести, зато у него есть машина и гараж, и в машине он откидывает сидения, он вытаскивает подсос и заводит двигатель, и удушливое тепло заполняет собой подлое их убежище...

Но это будет другой рассказ, а теперь— точка. Приехала.